

Чай Цзыжань медленно отступил на пару шагов, надвинул шляпу и, делая вид, что ему всё равно, растворился в людском потоке. С Фань Вэньвэнем он не был близок и не успел ему насолить — разве что Фань Вэньвэнь любил Фэн Сяосяо, а та была обручена с ним с пелёнок. Так что общих тем для разговора у них и не находилось.

Чай Цзыжань мысленно вздохнул с облегчением: хорошо ещё, что эта стерва Фэн Сяосяо хочет разорвать помолвку, а то сколько бы ещё хлопот на свою голову накликал.

Круглая луна на небе роняла на землю тусклый свет, освещая Чай Цзыжаню дорогу домой. Приплясывая, он побежал назад, собираясь вломиться к старшей сестре и с радостью сообщить ей, как бойко и резво поживают его птицы, как они величавы и как громко поют. А потом велеть Юань Хану принести из кухни пару куриных окорочков, чтобы подкрепиться.

Но, вспомнив сегодняшнее мрачное лицо Чай Цзыхао, он невольно прикоснулся к щеке. Хотя мазь от Мо Цюцзюня и помогла — а он её всё-таки выпросил, — ощущение от пощёчины было неприятным. По привычке обойдя каменных львов-стражей, он подбежал к чёрному ходу в усадьбе маркиза Синью и тихонько постучал четыре раза.

Стук прозвучал чётко и ритмично: тук-тук-тук-тук.

Старик за дверью был его сообщником, покрывавшим все его проделки в любую погоду, лишь бы ему поднесли выпить. Чай Цзыжань спокойно ждал, когда дверь откроется, но вдруг изнутри донёсся голос: «Вчера — вся одежда».

Чай Цзыжань нахмурился, но, убедившись, что это голос старика, отозвался: «Сегодня — штаны долой».

«Пфф... кх-кх-кх...» — за дверью раздался приступ сильного кашля, а затем послышался скрежет сдвигаемого засова.

Чай Цзыжань нахмурился ещё сильнее, снова постучал четыре раза и пригрозил: «Старый хрыч, вина хочешь или нет? Открывай быстрее, а не то я с тобой разделаюсь!»

За дверью наступила тишина, а затем старик сокрушённо произнёс: «Кончилась моя жизнь...»

Чай Цзыжань решил, что старик говорит о себе, поправил прядь на лбу, расправил красный халат и, сверкнув жестокой ухмылкой, скрестил руки на груди в ожидании.

Из-за двери донёсся лёгкий звук — будто сняли засов, — и она со скрипом приоткрылась. Перед Чай Цзыжанем возникла длинная тень человека с квадратным, будто кирпич, лицом, от которого невольно становилось не по себе — так и ждёшь, что он этим кирпичом треснет.

Ноги Чай Цзыжана задрожали, и по инерции он отскочил на несколько шагов назад, а затем развернулся и пустился наутёк.

Чай Цзыхао крикнул ему вслед: «Беги! Только попробуй не вернуться!»

Чай Цзыжань уже отмахал несколько шагов, но, услышав это, остановился и, дрожа, обернулся. Почтительно держа дистанцию, он жалобно промолвил: «Старший брат...»

Лицо Чай Цзыхао было мрачным: «Ты ещё помнишь, что у тебя есть старший брат».

Чай Цзыжань покорно устоял на кончики своих туфель, готовясь к выволочке. В этот

момент из калитки выскочил старик в грубой одежде, присел перед Чай Цзыжанем и, задрав голову, уставился на него. Они устроили состязание в staring contest. Чай Цзыжань, не выдержав перегара, буркнул: «Старый предатель».

Старик не только не смутился, а даже возгордился: «Кто даёт выпить, тот и господин. Бесстыдство — не порок! Я тебе дважды намекал, но ты, господин Цзыжань, туповат, так что не на меня пеняй». Старик поднялся, чуть не задев подбородок Чай Цзыжана, а тот резко отпрянул и шлёпнулся на землю. Он воззрился на старика с ненавистью: «Старый хрыч, это уже перебор!»

Старик растрёпал свою аккуратную причёску, заодно повалившись на земле, и расхохотался: «Будь ты хоть наполовину так умен, как я, не оказался бы в таком положении!» Поднявшись, он зашагал обратно в калитку и, проходя мимо Чай Цзыхао, бросил: «Я уже проучил господина Цзыжана, прошу маркиза не гневаться».

Увидев, как Чай Цзыжань в пыли валяется на земле, гнев Чай Цзыхао действительно поутих. Какой бы ни был брат беспутный, он всё же родной. Он обернулся и крикнул: «Юань Хан!»

Из калитки высунулась половинка головы Юань Хана. Без тени удивления взглянув на валяющегося на земле господина, он изо всех сил дёрнул, и из глубины двора появился тупой осёл, навьюченный большим узлом. Увидев Чай Цзыжана в таком жалком положении, осёл тут же скривил морду и с презрением фыркнул, будто насмехаясь.

Его презирали люди, презирали собаки, а теперь ещё и осёл! Чай Цзыжань в ярости вскочил на ноги, отряхнул красный халат, с которого не слетала пыль, пригладил растрёпанные волосы, закатил глаза и презрительно уставился на осла.

Осёл не обратил на него внимания, опустив голову, — словно смотреть на Чай Цзыжана было для него унижительно.

Чай Цзыжань чуть не задохнулся от злости, засучил рукава, собираясь как следует проучить скотину, но тут его оборвал окрик Чай Цзыхао: «Ты ещё не смылся? Ждёшь, когда к утру вся знать сбежится, схватит тебя и вздёрнет вверх тормашками у Врат Цинхуа для порки? Ты на себя посмотри, ты ещё и с ослом споришь! У тебя мозги вообще есть?»

Чай Цзыжань хотел было возразить, что он всё-таки человек и не может позволить, чтобы какая-то скотина его презирала, но из усадьбы маркиза Синью уже показались огоньки факелов, и шум, нарастая, двигался к чёрному ходу. Женский голос, громкий, как барабан и колокол, прогремел ещё до появления самой хозяйки: «Чай Цзыжань, окаянный! Посмел поднять руку на брата! Негодник бессмертный! Погляди, как я тебе эти собачьи ноги поотрубаю!»

Чай Цзыжань в ужасе вскочил на осла и затараторил: «Юань Хан, Юань Хан! Быстрее, быстрее! Чёрный демон здесь, а если ещё и Белолицая толстуха подоспеет, твоему господину конец!»

На обычно невозмутимом лице Юань Хана появились трещинки. Маркиза он не боялся — тот хоть и строг, но справедлив и редко срывал на нём зло из-за проделок Чай Цзыжана. А вот старая госпожа — дело другое. Она не только груба, сварлива и нелогична, но и обожает размахивать двумя ножами для забоя свиней, рубя всё подряд.

Юань Хан, ведя осла под уздцы, мечтал о том, чтобы обзавестись парой лишних ног, как у того, — лишь бы бежать быстрее. Кто знает, не выскочит ли старая госпожа и не запустит ли в них с

размаху своим тесаком.

Чай Цзыхао терпеть не мог, как Чай Цзыжань окрестил его и мать Чёрным демоном и Белолицей толстухой, но не успел он прикрикнуть, как тот уже скрылся вдали, превратившись в маленькую точку, а после нескольких поворотов и вовсе исчез. Его мать, размахивая двумя острыми тесаками, выскочила из чёрного хода и принялась орать в непроглядную тьму: «Чай Цзыжань, не смей убежать! Я тебя сегодня на десять-восемь кусков изрублю и скормлю твоему тупому ослу!..»

Чай Цзыхао удержал тучное тело матери, и по его лбу проползли три чёрные линии. Со вздохом он сказал: «Матушка, не усугубляйте».

Старая госпожа возмутилась: «Какое ещё усугубление?!» — и, потрясая тесаками, грозно добавила: «Я тебе покажу, как надо проучить этого негодяя! Изрублю на десять кусков и скормлю его же ослу!»

...

Два-три дня спустя в тихий и мирный уезд Суюй неожиданно вступил отряд стражников в серебряных доспехах. Чётко печатая шаг, они показывали прохожим портрет и задавали один и тот же вопрос: «Видели этого человека?»

Прошёл день, но кого бы они ни спрашивали, реакция была одинаковой: человек отмахивался и говорил: «Не видел». После чего опрошенный, словно повстречав разбойников, пускался наутек и исчезал без следа.

Стражники не злились. Двигаясь строевым шагом и с портретами в руках, они шли к следующему.

Стоявшая неподалёку от них девушка в зелёном платье побагровела от злости. Она широко шагнула вперёд, выхватила портрет из рук одного из стражников и, тыча пальцем в изображение, сердито заявила: «Вы так будете искать, вам и ста лет не хватит!»

Стражники сохраняли каменные лица, внимательно слушая выговор, и чётко ответили: «Так точно, госпожа!»

«Вы...» — Фэн Сяосяо швырнула портрет им в лицо и, гневно развернувшись, увидела, что её отец, только что стоявший рядом, теперь в одиночестве наслаждается доухуа у лотка с тофу. В горле у неё всё пересохло от ярости. Она подошла к отцу и, хлопнув изящной белой ручкой по столу, процедила: «Папа, вот ты даёшь! Прямо благодать!»

<http://bllate.org/book/15931/1423847>